

ДЕНИС ИГНАШОВ

**Сегментация
Жизни**

18+

Денис Игнашов

Сегментация Жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51598580

SelfPub; 2020

Аннотация

Три небольших рассказа о непредсказуемой мозаике Жизни и Смерти. "Майка" – зарисовка из студенческой жизни, в которой нет начала, но есть финал. "Телефон" – о Петровых начистоту, о закономерностях и случайностях, которые ткут полотно судьбы. "Точка" – это завершение, но любое завершение есть всего лишь начало нового пути...

Содержание

Майка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Майка

Банальная, в общем-то, получилась история.

Была весна, месяц май. Запомнилось чувство теплоты, разливающееся в воздухе, проникающее через открытое окно в комнату; оно растворяло в своей юной свежести затхлую пыльность старого общежития. Плыл выходной день, и никуда не надо было спешить, а вчера была попойка, а сегодня лишь ленивое малоподвижное похмелье, когда мысль работает медленно, плавно, отрешённо, а не как обычно – рывками, агрессивно, с нервической обработкой содержания образов и слов, ожиданием действия и усталостью от понимания вынужденности этого действия.

В силу ли неспешной причинной инертности или лучистой мягкой погоды или чарующего вида нарождающейся бодрой зелени за окном, а может быть и всего вместе, мне было особенно хорошо и безмятежно в тот нарастающий день. Я расплющил своё тело в дырявом матерчатом кресле и вертел рукой полупустой широкий стакан, скребя гранями его дна по столу. Пиво – весёлая жидкость янтарного цвета – кидалось на стенки стакана, пузырилось, пробегая волной в зажатом стеклом объёме, и падало вниз, не имея сил преодолеть такой близкий, но всё же недоступный прозрачный край, и вырваться на волю.

Лёшка лежал на диване, курил и смотрел в окно, перио-

дически складывая свои маленькие пухлые ручки с зажатой меж пальцев сигаретой на выдающемся своём животике.

– Всё замечательно, – Лёшка стряхнул пепел в пустой стакан, с блаженной улыбкой почесал себе пузо, затянутое в мятую фланелевую рубашку, и повторил, словно уверяя себя: – Всё замечательно.

– Совсем всё замечательно? – спросил я с ленивой безразличностью, прищурил глаз и посмотрел на солнце сквозь пузырящееся и бегающее по стенкам стакана пиво.

Лёшка не ответил, раздавил сигарету в стакане, растянулся на диване, закинув руки за голову, и так лежал некоторое время недвижимо.

– А ты знаешь, что Майка беременна? – вдруг совершенно неожиданно, словно походя открывая военную тайну, не то спросил, не то сообщил он.

Рука дёрнулась, пиво рванулось вверх, преодолев, наконец, стеклянные свои границы, и неаккуратной кляксой расплескалось на столе.

– Вчера сама сказала, – добавил Лёшка, разглядывая что-то за окном; повернулся ко мне лицом, он изменился, был сосредоточен и, мне показалось, расстроен. – Утром ко мне заходила за хлебом и сказала.

Я поставил стакан на стол, я молчал. Лёшка ещё раз почесал своё фланелевое пузо, хмыкнул что-то в нос и криво, уголком рта усмехнулся:

– А знаешь, кто отец?.. Юрыч отец, представляешь?

– Юрыч?.. – откликнулся я туповатым эхом.

– Да, представляешь, Ю-рыч, – разделяя звуки, раздражённо повторил он.

Определённо, Лёшка был чем-то обозлён.

– О чём они вообще думают? – бросил он в сторону. – Ни у него, ни у неё нет ни гроша за душой. И наркоши оба...

– Она тоже? – спросил я наивно.

Лёшка посмотрел на меня вполне так выразительно.

– Конечно!.. Раньше курила чуть ли не ежедневно.

– А месяц какой?

– Ты про что?

– Ну, беременность...

– Семь недель говорит.

– И что, продолжает курить?

А вот сейчас Лёшка мог и вспыхнуть, но мрачно лишь буркнул:

– А я почём знаю? Они оба ненормальные!

– А это точно?..

– Что точно?

– Ну, беременность...

Раздражение, бурлившее где-то в Лёшкиной голове и временно отступившее в его фланелевое пузо, вдруг снова рвануло к макушке.

– Ты что, не отошёл ещё от вчерашнего?

– Почему... Отошёл, – обиженно откликнулся я.

– А чего тупишь?

– Да, нет, всё понятно. – Я покивал головой для пушей убедительности и скинул себе в горло оставшиеся капли драгоценной янтарной жидкости.

– Ладно, пойду. – Лёшка шумно поднялся с продавленно-го, скрипящего дивана, вяло махнул рукой и вышел за дверь.

Я ещё посидел, повертел в руке пустой стакан, а потом посмотрел на календарь. «Может такое быть?» – спросил я себя и поскрёб подбородок. Сам себе с горечью и признался: «Может».

Стучать пришлось долго и громко, но Майка всё-таки открыла дверь своей комнаты. Вышла в халате, растрёпанная, сонная, но отчего-то счастливая, с обыкновенными своими смешливыми бесятами в глазах. Ох, любил я этих бесят в её глазах, любил и страшно боялся одновременно, потому что бесята эти не знали покоя и всегда были предвестниками озорства, а то и хуже...

– Заходи, заходи, – Майка неожиданно обрадовалась мне, улыбнулась и, схватив за руку, почти затянула в комнату.

«Пальцы всё-таки у неё короткие и толстоватые», – подумалось мне к чему-то, а вдогонку этой мысли как нежное и доброе оправдание полетела следующая: «Но милая она всё равно и смешная».

Я нелепо потоптался посреди комнаты, желая спросить её, но, не решаясь сделать это. Она о чём-то весело щебетала, походу старалась задёрнуть покрывалом неубранную постель, перекладывала подушки на кровати, а сердце моё

всё учащало биение, неуверенность предательски росла, а я ждал момента, но понимал, что его, особого момента, не будет, и надо как-то выяснит всё быстро и безболезненно.

– Ты беременна? – оборвал я её пустое суетливое чириканье.

На секунду она замолчала, потом совершенно открыто и счастливо улыбнулась:

– Да.

Улыбка искренне радостная и откровенно бездумная – у большинства женщин она хорошо получается. Я чертыхнулся про себя, но надо было копать дальше, очень не хотелось оставлять это сомнительное удовольствие на потом.

– А кто отец?

Ответ был на удивление скор.

– Не знаю. – И всё та же безалаберная улыбочка на губах.

– А Лёшка сказал мне, что Юрыч... – Со стороны, вероятно, это было похоже на надежду. Но последовало молниеносное откровение, отрезавшее все пути отступления:

– Я соврала ему.

– Так ты не знаешь, кто отец... – Я пытался собраться с мыслями. – То есть, как это не знаешь? – скользнуло запоздалое удивление.

– Ну-у, у меня два варианта, – пожала она плечами. – И один из них ты.

Один из двух. Половина. Пятьдесят процентов. С твоим-то везением, ты попал, парень... И как-то сразу безответ-

ственно взгрустнулось, в голове чередой пронеслись самые грубые и нелестные выражения, которые обращены были и к себе, и к ней, но всё больше к ситуации. Моё лицо, вероятно, вытянулось и вмиг приобрело то деревянное нелепое выражение задумчивости и тревоги, которое всегда так сильно забавляло Майку. Майка громко рассмеялась.

– Не нервничай ты так, – по-дружески похлопала она меня по плечу. – Я уже давно бросила курить и пить. Всё будет хорошо. Я рожу красивую, умную, здоровую девочку... Мне почему-то кажется, что это будет девочка.

Фантазмагория, чистой воды фантазмагория! Совершенно не так представлял я в минуты мечтательной нежности к себе любимому этот вот момент обретения нового статуса будущего папы. Я надеялся, будут любовь, радость, цветы, счастливая и верная жена, а тут... Смешливое лицо с весенними конопушками девушки-студентки, не утруждающей себя моногамией или хотя бы определённой разборчивостью, и состязательная неопределённость в установлении «папашества».

– Но ты не рад за меня? – Милое озорное личико обиженно надуло губки.

Замечательный вопрос! Ну что тут скажешь? Мысленные ответы стали кардинально отличаться от ответов озвученных – ведь передо мной стояла будущая мама, возможно, моего ребёнка, а обычно не советуют нервировать беременную женщину.

– Ра-ад, конечно. – От волнения, злости и страха я даже стал немного заикаться. – А кто второй?

– Не скажу. – И опять улыбочка игривая.

Если это обыкновенное кокетство, и если внутри неё есть что-то уже и моё, то у моего ребёнка будет безмозглая маменька, подумалось некстати.

– Юрыч?

– Да, нет, что ты, – махнула она рукой. – Его же не было тогда. Он уезжал, не помнишь что ль?

Да, он уезжал. Это я вспомнил. Тогда кто же у меня конкурент на почётное звание отца?

– Не скажу, – прозвучал повторно ответ на мой ещё не заданный повторно вопрос.

Я по опыту знал, что Майка девка упрямая, и продолжение допроса к результату не привело бы. На всякий случай она уверенно – получилось так красиво-обиженно и отстранённо-горделиво! – заявила:

– В любом случае это тебя ни к чему не обязывает, но от ребёнка я отказываться не собираюсь.

Вот тут я уже не выдержал.

– Дура ты! – не очень-то осмотрительно бросил я в сердцах и вышел из комнаты, для порядка хлопнув дверью.

В коридоре я постоял, нервно переваливаясь с ноги на ногу. Надо было что-то решить, что-то важное и прямо сейчас, не откладывая на потом, но не мог... Эмоции, меня душили эмоции. Вот две минуты назад я был спокоен, вероятно, пы-

тался осознать смысл услышанного, а теперь до меня, наконец, всё это дошло! Я отец?! Эта мысль прыгала и брэнчала в моей черепной коробке, и я боялся её озвучить, так дико и чудовищна было даже думать об этом, а произнести вслух – просто невозможно. Надо было отступить, отвлечься, а потом вернуться и ещё раз всё взвесить и спокойно обдумать. За душевным порядком я отправился к палатке – выпить пива.

В кармане нелепо сложенные вчетверо нашлись две мятые бумажки с сине-зелёным Ярославлем – это было всё, что осталось от зарплаты. Мимоходом я подумал, что предстоящая неделя до следующей зарплаты будут очень экономной. В секунду перед окошком палатки одна из сине-зелёных бумажек превратилась в ворох бумажек другого цвета размером поменьше и номиналом пониже, а в руках появилась бутылка пива. Усевшись на скамейке под деревом, я стал размышлять, периодически поднося к губам холодное стеклянное горлышко бутылки и высасывая из неё успокаивающую жидкость.

Как только алкоголь начал растекаться по организму, трезвость мысли стала постепенно возвращаться ко мне. Что делать, если ребёнок в Майкином животике действительно мой? Если ты не сволочь, ты должен его признать, говорил я себе, а если ещё и претендуешь на звание приличного человека, то должен к тому же взять в жёны эту конопатую дурочку или, по крайней мере, попытаться обеспечить её под-

держкой и всем необходимым. Это долг мужчины... Боже, кто придумал этот долг?! Ведь нет и не может быть никакого долга в природе! Брось мучиться, никто никому ничего не должен, упорно успокаивала своего хозяина беспечность, так получилось. Да, так получилось, но получилось, почему-то, именно с тобой, парировал здравый неугомонный рассудок, пытавшийся всё приземлить и найти логичный выход из нелогичной ситуации. Страх, сейчас мною двигал только страх, страх перед будущим, а точнее, страх отсутствия этого самого будущего, которое из рисовавшейся мне мечтательной идиллии превратилось во вполне осязаемый кошмар. Впрочем, это обыкновение и норма, когда мечта кардинально расходится с прозой жизни; будь она неладна эта самая реальность, что так пошло поступает с лучшим, что может быть в этом мире, с Мечтой! И как это глупо всегда происходит...

Пустая бутылка нырнула в траву, оставив на всеобщее обозрение только свой безобразный татуированный надписью коричневый зад.

Надо включить рассудок, поучал себя я, но вдруг проснувшаяся логичность лишь укоряла меня, давая понять, что "думать" надо было раньше! Спорить с этим было бесполезно, но что делать сейчас? А сейчас от моего решения слишком много зависело, и чем разумнее будет решение, тем лучше. А кто сказал, что разумное решение лучше?.. Я вернулся к палатке, и скоро рядом со стеклянным коричневым задом,

брякнув, аккуратно примостился зелёный. После третьей бутылки я всё для себя решил. Пусть она выбирает, верю ей на слово, если моё (забавно, но как иначе Это пока неопределённое ещё назовёшь?) – женюсь. При прочем равном, Майка не есть хороший вариант, а как раз совсем наоборот, был придавленный моей пьяной решимостью разум. Курит травку, блудлива, слишком самоуверенна и упряма, и к тому же, – не сочтём это за гадливую меркантильность – пуста материально. Для объективности подкинем немного позитива. Есть что-нибудь привлекательное в будущей мамаше? Она мила, жизнелюбива, у неё решительный напористый характер, чёткий и хитрый ум... А потом всё должно измениться, ведь она станет матерью. Дай Бог, это убьёт в ней избыточную влюбчивость и тягу к куреву. Впрочем, женщины не меняются, они маскируются, иногда о-очень хорошо. Надеюсь, её маскировка будет самой лучшей из возможных. В конце концов, это опыт, решил я и, пошатываясь, встал со скамейки, а мой ребёнок без отца жить не будет. Это Судьба, ей надо подчиниться... Вот только знать, кто этот второй.

Я возвращался, когда уже стало темнеть. Шёл не спеша по аллее, иногда поднимал голову и смотрел на безоблачное сумеречное небо. А вокруг липким дурманом нарождалась зелень деревьев, она была так красива в своей первозданной активности, так притягательна в этот тихий тёплый майский вечер. Для меня всё вдруг поменялось, страхи, пусть на время, но ушли, я был практически счастлив. Жизнь была в тот

момент так прекрасна... Ведь до осени ещё так далеко!

– Привет, – прощуршало сбоку гортанное.

Я остановился, немного разгорячённый пивом, погодой, природой и своими переживаниями, и потому совсем не готовый к этому глухому «привету».

– Привет, – эхом ответил я, с туповатой улыбкой рассматривая трёхголовую тень под деревом.

Мою отрешённо-счастливую улыбку кривым зеркалом спародировала хитроватая усмешка, обнажившая крепкие белые зубы.

– Не узнал?

Нет, почему же, теперь узнал. Это был Муса, который жил в соседней, напротив от моей, комнате. А с ним ещё двое, мне неизвестных. Говорили, что Муса опасен, и с ним лучше не иметь никаких дел, но я его знал уже полгода, и отношения с ним у меня были вполне добрососедские, даже хорошие... А ещё я помнил, что лиса не режет кур там, где живёт.

– Я тебе завтра отдам, – тихо говорил Муса, растягивая слова.

– Что? – не сразу вспомнил я.

Стеклянные, с набухшими красными капиллярами глаза Мусы нехорошо блестели. Алкоголь он не пил. Накурился что ли?

– Я у тебя брал тысячу рублей. – Муса горделиво повёл плечом, небрежно бросил: – Завтра пять отдам.

– Нет, нет, – замотал я головой. – Только тысячу. – Я про-

должал открыто улыбаться, мне было совсем не до Мусы, денег и его долга.

В Мусе запылал внутренний злой огонёк – я это видел, и даже своим расслабленным рассудком понимал, что огонёк этот разжёт я, но совсем не понимал, чем я мог это спровоцировать.

– Ты мне не веришь? Ты меня, что, презираешь? – почти шептал Муса и бурил меня своим отяжелевшим взглядом; и чем тише становился его голос, тем он был страшнее и гортаннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.